

Мама до слёз, до красных пятен на щеках хотела белое пальто. Недлинное, на ладонь выше колена, с перламутровыми пуговицами, широкими рукавами и воротником-стойкой – оно было пределом её мечтаний. Когда-то она не вышла в таком замуж, не повесила в шкаф на широкие чёрные плечики и не могла гордо демонстрировать его дочери.

– Платье было красное, – рассказывала мать. – Длинной аккурат на ладонь выше колена. Сапоги такие, знаешь, на шпильке. Двенадцать сантиметров! И как я только стояла?

Она тихонько вздохнула, словно поражаясь своему тогдашнему безрассудству, и весело улыбалась.

– Красивые были сапоги, белые, кожаные. Фата на голове крепилась на гребешок из слоновой кости – тот, который папа из Индии привез, с мелкой россыпью алмазиков. Хотя, потом они оказались фианитами. Ох и лопух твой отец! Фата сама коротенькая, до середины спины, и вся дымно-белоснежная, расшитая цветами. Чудо, а не фата!

Мама вела рукой по голове, поправляла гребешок в волосах. Искрились камни в томном свете электрической лампы.

– Погода уже прохладная стояла – снежок выпал. Шубу ещё рано, в курточке несолидно. Я пальто-то и накинула. Ничего пальто, приталенное, с пояском, до колена. Хорошо смотрелось, хоть и чёрное.

Кажется, крылась в этом какая-то роковая взаимосвязь – в том, что не успели чёрное поменять на белое. И пошла-покатилась жизнь, перешитая шерстяными тёплыми нитками. В пожаре сгинул весь свадебный наряд: и платье, и фата, и сапоги. В суматохе потерялись фотографии и прочие нужные вещи. Только каким-то странным образом пощадил огонь пальто в целлофановом – от моли, пакете на дне сундука. Мама тогда досадливо повела узким плечом и хорошенько его встряхнула.

Когда папа попал в аварию, сломал ногу и не смог ходить, мать распустила рукав нелюбимой одежды и вязала ему носки. Он смеялся и обещал купить белую – молочную – говорил, пряжу. Когда папа уходил к другой, она ему это припомнила.

– Давай, – гордо говорила мама, рисуя себе стрелки на веках. – Давай. Не держу. Насильно мил не будешь, так? Шиты белыми нитками все твои обещания!

– Какие обещания? – рискнул робко уточнить он.

Она посмотрела на него своим тщательно отрететированным пренебрежительным взглядом и вздохнула.

– Пока смерть не разлучит нас, Валентин!

Папа осёкся, побледнел и вышел, плотно прикрыв дверь. Карандаш в маминих пальцах дрогнул и прочертил коричневую кривую линию по её щеке. Никто не мог бы сказать, что папа не держит своих слов. Он больше не вернулся. Он так и рухнул по ту сторону двери и больше не поднялся.

– Инфаркт, – горько цедила мама, распуская второй рукав. Нервно звякали друг о друга спицы. – Переволновался. Но верен, чёрт, остался до конца.

Когда брата забирали в армию, набирала цвет сирень. Мать промокала сухие глаза платком и под рукой проводника проталкивала в тамбур вязаную жилетку.

– Чечня, что ж за место такое, сынок?

Стыл на кухне оставленный чай. Андрей не вернулся тоже.

– Засада, – глухо шептала мать, заправляя под цветастую бабушкину косынку враз поседевшие пряди. Аккуратный чёрный берет она на похороны надевать не стала – в по-

следний момент кинула его в угол прихожей. Оцинкованный серый гроб был будто в снегу – в белых лепестках яблонь.

– Платье было красное, – рассказывала мать, хватала меня иссохшей рукой за запястье. Хрипло дышала. – Как дальше, дочка?

– Сапоги белые на шпильке. Двенадцать сантиметров. Как ты только стояла? Фата дымно-снежная, в цветах на гребешке, который папа из Индии привез. Ну, тот, с россыпью алмазов. Снег уже выпал, но шубу ещё надевать было рано. Ты пальто-то и накинула.

– Пальто? – улыбалась она тонко. – Какое?

– Белое, мама. Белое.

У мамы сияли глаза, и она облегченно откидывалась на подушки.

Ведь мама до слез, до красных пятен на щеках хотела белое пальто.